

Всем сердцем Николай ненавидел врагов, которые топтали его родную землю, жгли села, убивали советских людей. И однажды среди ночи Коля вдруг исчез. Через некоторое время северо — западнее села раздались выстрелы. Потом все смолкло. Утром жители увидели первого убитого немца — то был один из вражеских разведчиков. «Не твоя ли работа?» — спросили Николая, но промолчал.

Вскоре завязался бой с наступавшей немецкой частью. Горстка наших бойцов уже несколько часов дралась с превосходящим по силам противником. Стрелял по врагу и Николай. Склон заволокло пороховым дымом. В один из моментов боя по красноармейской цепи пронеслось: «Патроны на исходе!»

Командир глянул на Николая и тот без слов понял, что нужно делать. Короткими перебежками и ползком он вмиг добрался до склада боеприпасов, который находился внизу, рядом с родным домом. Схватил ящик и тут же понял: одному не дотащить, тяжело. Но помощник нашелся. Подбежала, запыхавшись, Шура Золотухина: «Давай вдвоем»...

Немецкий офицер в бинокль отчетливо увидел две маленькие фигурки, карабкавшиеся по склону. Вот они добрались до цепи советских бойцов. И вскоре стихший был огонь возобновился с новой силой. А ребята опять устремились вниз. Недоумевавший немец понял: ребята подносили патроны. Немец что — то крикнул своим адъютанту...

Силы были неравны, и немцы ворвались в село. И сразу устремились к стоящим на отшибе двум домам — туда, где был наш склад боеприпасов. Замешкавшихся ребят фашисты схватили. Вместе с ними немцы вывели из домов группу беженцев — стариков и женщин, что прятались во время боя...

...Шеренга лежащих лицом к земле людей. Наставлены автоматы, гортанные, лающие команды. И вдруг взметнулась черноволосая голова:

— Все равно гадам капут!

Автоматная очередь заглушила звонкий мальчишеский голос, оборвала и одиннадцать других жизней...

Из родных Коли Картамышева мало кто остался в живых: два старших брата погибли на фронте, мать умерла. Я даже фотографии героя не разыскал. А вот мать и отец Шуры Золотухиной живы.

Я слушаю Ирину Павловну, уже пожилую женщину. Она, глотая слезы, — кто не поймет мать! — рассказывает о дочери, показывает пожелтевшую от времени групповую фотографию пятого класса, ко-

торый незадолго до гибели окончила Шура. Говорит, что дочь была примерной, послушной, училась хорошо, в пионерском отряде была заводилой.

И как же горько было мне услышать справедливый материнский упрек: сколько лет уже прошло, а на могиле Коли и Шуры нет даже простого обелиска. Возвращаясь из Средне — Дорожного, я передал просьбу матери работникам Горшеченского производственного парткома. Там обещали увековечить память юных героев. Они достойны этого.

Курская правда, 1963г., 19 августа.

О. Королькова

У них отняли детство...

«... Дети! На десятки тысяч из них война обрушилась точно так же, как и на взрослых, уже хотя бы потому, что брошенные над мирным городом фашистские бомбы имеют все одинаковую силу. Остро и часто, острее, чем взрослые, — подростки, мальчуганы, девчонки переживали события Великой Отечественной войны... И повсюду я видел в них огромную жажду дела, работы и даже подвига...», — писал Аркадий Гайдар.

Дети на войне... Как же это нелепо, горько, странно... Маленькие солдаты, самые обыкновенные девчонки в мальчишки, у которых отняли детство. Они были связными и санитарками, разведчиками, адъютантами армейских и партизанских командиров, юнгами, партизанами и минерами. Они осаждали военкоматы и призывные пункты, прибавляя года рождения. Они становились к станкам и машинам, шли на поля и фермы; поставляли на фронт боеприпасы, обмундирование и продукты питания для нищих солдат.

Дети войны. Тысячи искалеченных судеб... Вряд ли мы узнали бы о них, если бы не Клара Александровна Рябова — организатор музея «Юные защитники Родины».

За четыре десятка лет поисковой работы более 3 — х тысяч имен юных героев ВОВ были вызваны из забвения, среди них и наши курские ребята.

Петя Вялых — школьник из села Старый Лещин Солнцевского района. 13 — летний парнишка несколько раз переходил под огнем